

РЕПРЕССИВНЫЕ МЕТОДЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ НА ТВОРЧЕСКУЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ В 1930-е гг. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ И.С.СИБИРЯКА)

© 2008 Е.В.Исаев

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия

Статья посвящена исключительно актуальной проблеме – проблеме взаимоотношений власти и творческой интеллигенции в исторически важный период 1930-х гг. Автор рассматривает репрессивные методы воздействия власти на интеллигенцию на основе воспоминаний современника и участника тех событий – И.С.Сибиряка – крупного историка и известного советско-партийного работника. Особое внимание в статье уделяется деформации психики и мировоззрения человека, попавшего под жернова репрессивного механизма.

Период 1920 – 1930-х гг. вошел в историю нашей страны как период осуществления "культурной революции", под которой подразумевалось не только значительное повышение, по сравнению с дореволюционным периодом, образовательного уровня народа и степени его приобщения к достижениям культуры, но и безраздельное торжество марксистско-ленинского учения, превращение литературы и искусства в институт воздействия на массы. Система воздействия в духовной сфере вырабатывалась и утверждалась гораздо дольше, чем в экономике и политике. Это связано с тем, что творческая интеллигенция являлась носителем культурного наследия, и поэтому устойчивого традиционного сознания, для изменения которого требовались длительные сроки и особые механизмы¹.

Для вовлечения интеллигенции в процесс культурного строительства применялись разнообразные средства от достаточно либеральных до весьма жестких и даже жестоких. В 1930-е гг. партийно-государственное руководство культурой приняло формы грубого административного диктата. Массовые репрессии 1930-х гг. привели к невосполнимым потерям в области культуры, отразились на нравственном состоянии общества. Только за один 1937 г. органами НКВД было арестовано в МАССР 3 434 человека². Большой удар был нанесен по развитию национальной культу-

ры (например, врагами народа были объявлены Ф.М.Чесноков, А.И.Завалишин, Ф.С.Атянин, В.И.Виард (Ардеев) и многие другие)³. Под волну репрессий попал и известный в Поволжье советско-партийный работник, крупный историк и фольклорист Илларион Сергеевич Сибиряк (псевдоним; настоящая фамилия Поздяев).

Родился Сибиряк в крестьянской семье. Окончил Коммунистический университет трудящихся Востока (1923 г.), Институт красной профессуры (1934 г.). Член РКП(б) с 1921 г. Занимался партийной работой в Пензе, Саранске, Томске, Новосибирске, Самаре. При его участии в Сибири расширилась сеть мордовских школ; при советско-партийной школе и педагогическом техникуме в Барнауле были открыты мордовские отделения для подготовки национальных кадров. С 1934 г. – зам. директора по учебной работе, доцент, в 1935 г. – профессор кафедры гражданской истории России и СССР Высших курсов марксизма-ленинизма при Самарском отделении Института красной профессуры. В 1935 – 36 гг. – зав. сектором истории, этнографии и фольклора, директор НИИМК в Саранске. Организатор аспирантуры и курсов стенографии, научной библиотеки, издательской деятельности института. В 1937 г. был репрессирован по ложному обвинению в троцкизме⁴.

¹ Глухова Т.В. Творческая интеллигенция и власть в период 1920 – 1930-х годов в Среднем Поволжье: Дис... канд. ист. наук. – Самара: 2005. – С. 92.

² Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). – М.: 2006. – С. 335.

³ Ямашкина Р.Н. Культура Мордовии в 1920 – 30-е гг.: Учебное пособие по спецкурсу. – Саранск: 2000. – С. 47

⁴ Мордовия: энциклопедия: в 2 т. – Саранск: 2004. Т. 2. – С. 322

В рукописном фонде библиотеки Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия находится очень интересный источник – дело под шифром И-1364 – воспоминания И.С.Сибиряка о следствии над ним и заключении его в Саранской внутренней тюрьме НКВД. Введение в научный оборот информации, содержащейся в воспоминаниях И.С.Сибиряка, является одной из целей данной статьи. Источники подобного рода по Мордовии достаточно редко попадают в поле зрения историков. Достоверность же содержащейся в нем информации не вызывает сомнения из-за точности и детальности (автор является профессиональным историком) как исторических фактов того периода времени, так и привнесении эмоциональной составляющей переживаний человека (представителя интеллигенции), попавшего под пресс репрессивного механизма, и изменения в его мировоззрении под его влиянием.

Вот как описывает И.С.Сибиряк первые дни своего заключения во Внутренней тюрьме НКВД Мордовской АССР: "Совершаемые расстрелы, гул выстрелов, крики и стоны расстреливаемых и умирающих в ночь 23 – 24 мая 1937 г., прощание между ними и явственные выкрики фамилий Прусакова, Козикова, Сурдина, мы слышали с Огиным из под нашей камеры внутренней тюрьмы, где мы встретились с ним перед судом, лежали рядом и всю ночь не спали. В этой камере, в ночь перед судом, 23 – 24 мая 1937 г. нас было: я, пишущий эти строки, Огин, Илькинов, Борисов-Рикочинский. Начальство тюрьмы и Управления НКВД, чтобы заглушить подземный гул выстрелов, криков и стонов, расстреливаемых и расстреливающих, которые явственно выделялись из подземелья, во дворе НКВД и Милиции и Прокуратуры включили моторы двигателей нескольких автомашин и во дворе и на улице включили мощные громкоговорители, которые оглушали все в округности и окрестности. Но подземные стоны, крики, гул расстрелов до нас доходили очень явственно. Видимо пол нашей камеры как-то сообщался с подземельными лабиринтами вооружений Внутренней тюрьмы двора НКВД, где производились расстрелы осужденных накануне Военной коллегией руководящих партийно-советских работников Мордовии. А на утро, 24/V, на автомашинах, прикрытых брезентами, я видел своими глазами, когда меня из тюрьмы вели на суд, который происходил в кабинете наркома НКВД Мордовии в здании управления наркомата, трупы

расстрелянных ночью, куда то транспортируемых из подземных лабиринтов внутренней тюрьмы двора НКВД"⁵.

Впервые во Внутреннюю тюрьму НКВД Мордовской АССР И.С.Сибиряка поместили в декабре 1937 г. после двухнедельного непрерывного допроса и обработки в кабинетах здания НКВД. "Поступил я в камеру весь избитый, – вспоминает Сибиряк, – в кровоподтеках, синяках, с вывернутой-выбитой скулой, с глазами, выбитыми из орбит, с выдранный бородой, усами и волосами, с разбитыми внутренними органами. Тело было все фиолетово-темно-синим, черным. Нос вывернутым в сторону, голова опухшей, напоминающей деформированный череп. Лицо синее. Глаза красно-черные, еле заметные из опухших-отекших век. Я тяжело дышал, с хрипом, кашлял и мочился кровью. Нос и уши, усы и борода были в крови, из-за ушных и носовых кровотечений. Все белье на мне была в запекшейся крови. Рубашка от кровоподтеков ссадин и разрывов кожи во время избиений резиновой палкой-пластиной, напоминающей собой подошву кожемитовую, то же самое и кальсоны от избиений по ягодицам и икрам-мышцам ног и от испражнений и мочи с кровью. Вид был ужасный. Надежд на спасение, оживление было мало. Не верили в это ни тюремное начальство и ни следователи, обрабатывавшие меня в течение двух недель"⁶.

В таком виде, в состоянии беспомощности и без сознания его приволокли во внутреннюю тюрьму, в камеру карцерного типа. "На третьи сутки, оказывается, я приподнялся. Сел. Тело все ныло. Кругом, всюду и везде чувствовалось тело, чувствовалось наличие органов, суставов, членов. Все болело. Все напоминало о себе... так, постепенно я стал кушать, принимать пищу, восстанавливать силы, приходиться в себя. В камере, в которой мы оказались во внутренней тюрьме, пол был цементный. Режим был карцерный. Стул был зацементированный в пол. На прогулку не выпускали"⁷.

Здесь, в камере Сибиряк познакомился с сокамерником – поляком по происхождению – Сливой. Разговоры с ним ярко иллюстриру-

⁵ Рукописный фонд ГУ НИИ ГН при Правительстве Республики Мордовия. И-1364. Л. 2 – 3.

⁶ Там же. Л. 3 – 4.

⁷ Там же. Л. 4.

ют изменения в психологии личности попавшей в жернова репрессивного механизма: "Я тоже начал рассказывать ему о моих следственных муках. Выдержке и испытаниях, издевательствах и пытках учиняемых надо мной и что несмотря на мою стойкость и упорство, следователям все же удалось сломить мой характер, уговорить и заставить оговорить себя, подписать протокол допроса, составленный следователями и опечатанный на пишущей машинке и сдать настояниям следователей, что моим вербовщиком для контрреволюционной работы был бывший зав. культпропом Мордовского Обкома Нуянзин. Но он никогда и куда меня не завербовывал, и теперь его видимо истязают и пытаются, так же как и меня, выбивая из него признания. Меня охватило чувство ненависти и брезгливости к самому себе.

Если бы была возможность, и было бы в этот момент что-либо под руками, я, не задумываясь, покончил бы собой. Такое сильное чувство своей никчемности, ненависти и брезгливости к себе, охватило тогда меня.

Я находился в состоянии глубокой и тяжелой депрессии. Меня мучила совесть за проявленное малодушие, за овладение мной животного страха смерти и цепленке за жизнь, теперь уже никчемной и никому не нужной, как казалось мне. Я думал, что лучше было бы перенести смерть от рук следственных работников, чем принять этот позор оговора себя и наговора на Нуянзина, как на вербовщика, в подписанном мной протоколе допроса от 25/ХП, содержания которого я не знал. Мне стыдно было за себя, обидно за товарищей и позорно за Партию, что я подписал на себя преступные деяния и причастность к преступлениям против Партии и Советской власти, чего никогда в жизни с моей страны не было и не помышлялось"⁸.

Необходимо отметить тот показательный факт, что, несмотря на тяжелое психическое состояние, физический и психологический прессинг И.С.Сибиряк оставался верным идеям коммунистической идеологии: "Мне опять вспомнились ленинские мысли, что при безвыходном положении сдачи на "милость" врага и уже потом сожалеть, как спасти себя и как разгромить и уничтожить врага. Врагами моими стали следственные работники НКВД Мордовской АССР, совершающие злодеяния против Партии и Советской власти, избивающие и истребляющие пар-

тийно-советские кадры, ставшие на путь провокаций, клеветы и измены Родине. Партия не знает истинного положения, Политбюро ЦК ВКП/б/ и Сталин, находятся в ложном положении, обманываются работниками НКВД. Враг, лютой враг, пробрался в органы НКВД и творит мрачное и черное дело. И что в этой обстановке, единственным утешением во всем является сохранение себя, жизни"⁹.

"В конце декабря, на кануне нового года, в камеру вошло тюремное начальство Панкратов и Пикин. Распорядились поднять меня, пропустить через бани, заменить мне белье и перевести в другую камеру"¹⁰. В ней он неожиданно встретился со старым своим знакомым Вандом (Начальником УНКВД МАССР до 1937 года). "Неожиданная такая встреча ошеломила нас обоих. Оба одновременно издали истошный, крик и как опустошенные смотрели, друг на друга. В глазах и на душе не было чувства неприязненности и враждебности. Перенесенные испытания, и пройденная школа следственных испытаний и пыток, раскрыли нам глаза, мы уже понимали и знали цену всем этим истошным крикам о врагах народа, и как-то любовно и взаимно понимающе переглянулись и кинулись друг другу в объятия. Все это произошло мгновенно, что потом мы даже сами чувствовали какую-то неловкость происшедшего. На него так страшно подействовал мой ужасный внешний изуродованный вид. На меня, что и Ванд, работник НКВД и в тюремной камере.

Мы закурили, он угостил меня папиросой. Сам закурил трубку. Мы поведали друг другу каждый историю со дня ареста и до встречи в камере... Первое, в чем он меня убедил, это в необходимости сохранения себя, в восстановлении сил и здоровья, в устранении и излечении причиненных мне недугов и физических повреждения и увечий. С первого дня встречи с Ванд, я начал систематически принимать пищу и заниматься физкультурой. Мы проделали несколько приемов вправления выбитой скулы и вывернутой челюсти и массажа глаз и шейных и шейно-позвоночных мышц и выправления свернутого в сторону носа... систематические вправки и массажи и занятие физкультурой и принятие необходимых предосторожностей, делали свое полез-

⁸ Там же. Л. 4 – 5.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же.

ное дело. Мне постепенно, хотя очень медленно, но становилось легче и лучше, и сам я физически стал чувствовать себя лучше"¹¹.

В это время сменилось руководство УНКВД Мордовской АССР. Большинство арестованных думало и надеялось, что с приездом нового наркома Красовского в следственной практике установится законный порядок. Прекратятся избиения, пытки и истязания, и нарушители уголовно-процессуального кодекса понесут должное наказание. На имя Красовского от многих арестованных посыпались заявления и жалобами на неправильные действия следователей, нарушения ими всех норм советской законности и права и высказывались просьбы и надежды на правильное и справедливое разбирательство по существу.

Сибиряк вспоминает по этому поводу: "На имя Красовского написал заявление и я, с протестом против произвола и беззакония проявленного по отношению, ко мне и просил вызвать меня, разобраться, восстановить справедливость и выпустить на свободу.

13-го декабря 1937 г утром, после завтрака, как бы в ответ на мое заявление, меня вызвали из камеры в канцелярию тюрьмы и отправили в здание НКВД, при этом надзиратель Сафонов мне сказал, заявление писали, ну вот и вызывает нарком к себе на прием. Радостные надежды обуяли меня, я ехал сам себя не чуя, все горело во мне от предстоящей встречи с наркомом, вот смотри-ка, вызывает. Значит на свободу, домой на работу, за дело. С радостным волнением я поднимался по лестничной клетке на второй этаж. Но меня повели мимо кабинета наркома.

Но каково же было мое изумление, удивление, и разочарование и ужас, когда не успел я переступить порог кабинета, как схватили меня со всех сторон и стали мутузить, начали избивать, тут же разбили мне нос и губы до крови. Кровь капала, я вытирался рукавом. Борода, костюм и рубашка были в крови. Меня схватили, подтолкнули к стене, взяли с обеих сторон приподняли и ударили об пол и поставили к стене на две половины и потребовали от меня, чтобы дальше этих двух половиц я не переступал и стоял без движений. И так, эти избиения продолжались две недели без выхода из кабинетов здания НКВД"¹².

Приезд Красовского резко увеличил аресты партийно-советских работников, интеллигенции, рабочих и колхозников Мордовии и ввел в систе-

му следствия сплошные, по отношению ко всем физические методы воздействия в оформлении обвинительных признаний арестованными, во что бы то ни стало. Яркими иллюстрациями этих событий подытоживает свои воспоминания И.С.Сибиряк: "Кабинеты превратились в помещения пыток, стонов, криков избиваемых арестованных и в разного рода изощренной площадной ругани и истерических криков избивающих следователей, руководящих работников аппарата и специально, для избиваний приглашенных из Харькова с училища НКВД курсанты и другая молодежь из конвойно-охранной службы внутренних войск НКВД, которым в зависимости от усердия платили от 5 до 10 рублей за час работы по избиванию арестованных"¹³.

24 мая 1938 г. И.С.Сибиряк был осужден ВС СССР по ст. 58 – 8, 58 – 7, 58 – 11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. 23 декабря 1950 года постановлением Особого совещания при МГБ СССР Сибиряк был направлен в ссылку. В 1955 году он был реабилитирован. До 1962 г. работал на стройках Заполярья, директором завода "Стройдеталь" в Норильске. С 1963 г. и до своей смерти в 1984 г. он жил в Куйбышеве¹⁴.

Трагичная судьба И.С.Сибиряка была типична для многих представителей творческой интеллигенции того времени. На примере одного человека – известного ученого и советско-партийного руководителя – четко прослеживается комплекс репрессивных механизмов и методов воздействия власти на представителей региональной культурной и политической элиты.

¹¹ Там же. Л. 6 – 7.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 12 – 13.

¹⁴ Мордовия: энциклопедия: в 2 т. – Саранск: 2004. Т. 2. – С. 322

**REPRESSIVE METHODS OF THE AUTHORITIES INFLUENCE UPON
THE CREATIVE INTELLIGENTSIA IN 1930S
(ACCORDING TO I.S.SIBIRYAK'S MEMORIES)**

© 2008 E.V.Isaev

Humanities Research Institute under the Government of the Republic of Mordovia

The article is devoted to the exceptionally topical problem – the problem of interrelations of the authority and the creative intelligentsia in the historically important period of 1930s. The author examines repressive methods of the influence of the authority upon the intelligentsia on basis of memories by the contemporary and participant in those events – I.S.Sibiryak – the important historian and well-known Soviet and party worker. Special attention in the article is paid to the deformation of psyche and world-outlook of a person who fell the hearth of the millstone of repressive mechanism.